

УДК 94(470)"1930"

*Жданова Яна Алексеевна,
независимый исследователь.*

ИП «Жданова Яна Алексеевна», переводчик.

Россия, г. Санкт-Петербург

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СВИРСКОМ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМ ЛАГЕРЕ

Аннотация: Цель данной статьи – ознакомить читателя с историей Свирского исправительно-трудового лагеря (Свирлага). Особое внимание уделено теме смертности заключенных, показатели которой были очень высокими и в отдельные годы значительно превышали аналогичные по другим лагерям ГУЛАГа. Анализируются причины и факторы, этому способствовавшие. Статья основана на архивных материалах, поиску и изучению которых автор посвятил 7 лет. В приведенных цитатах сохранены орфография и пунктуация оригиналов.

Ключевые слова: Свирлаг, Свирьлаг, ГУЛАГ, исправительно-трудовой лагерь, смертность.

Zhdanova Iana Alexeevna

LIVING CONDITIONS AND MORTALITY RATES OF INMATES IN SVIR FORCED LABOR CAMP

Abstract: The purpose of this paper is to introduce the reader to the history of Svir forced labor camp (Svirlag). Great deal of attention is brought to mortality rates of inmates that in specific years was considerably higher compared to other GULAG camps. Factors that caused that are described and analyzed. The paper is

based on archive data that the author dedicated 7 years to investigate and research. Quotations in the text retain the spelling and punctuation of the originals.

Keywords: *Svirlag, GULAG, forced labor camp, correctional labour camp, mortality rates.*

Большое количество документов, найденных в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Выборга, дало возможность подробно воссоздать историю Свирского исправительно-трудового лагеря, существовавшего в 1931-1937 гг. на северо-востоке Ленинградской области.

Отделения и лагпункты Свирлага занимали обширную территорию. Они располагались, в основном, в Лодейнопольском и Подпорожском районах. Но были также подразделения в нескольких десятках км от Ленинграда и в южных районах Карелии [1]. В зависимости от года, количество заключенных было разным. В найденных документах наибольшая численность указана на конец декабря 1932 г.: 47,4 тыс. человек [2]. По этому показателю Свирлаг уступал только гигантскому Белбалтлагу, списочный состав которого насчитывал на тот период 107, 9 тыс. чел [2].

Перед Свирлагом была поставлена целевая задача снабжения Ленинградской промышленности и жилых домов дровами и строительным лесом. Заключенные выполняли большой цикл работ от валки до погрузки леса на баржи или железнодорожные платформы для отправки в Ленинград. Помимо основного производства они занимались работами по обеспечению лесозаготовительного процесса: изготовлением и ремонтом оборудования, постройкой лесовозных дорог, сооружением плотин, рытьем каналов. Содержавшиеся в 1-м отделении использовались на строительстве одного из крупнейших объектов ленинского плана ГОЭЛРО – Нижне-Свирской ГЭС.

Положение заключенных в Свирлаге было крайне тяжелым. Причинами были изнурительный труд на лесозаготовках, ограниченное использование

техники, скверные бытовые условия, скудное питание, катастрофический дефицит одежды и обуви и проч.

Статистика смертных случаев – одна из важнейших характеристик того или иного исправительно-трудового лагеря. Но малый объем доступных исследователю архивных материалов, касающихся смертности в ГУЛАГе, небрежность в ведении статистики и составлении сводок, засекречивание и зашифровывание данных сделали эту тему очень сложной для изучения.

Основой для исследования послужили «Сводные таблицы о заболеваемости, смертности и наличии заключенных по ИТЛ, УИТЛК, ОИТК с 1931 по 1940 г. (вкл.)» [3]. Составлением этих таблиц занимались два отдела ГУЛАГа, которые вели учет смертных случаев: санитарный (САНУ) и учетно-распределительный (УРО).

В зависимости от года таблицы представлены либо в рукописном, либо в машинописном виде. Многие из них похожи на черновики со множеством помарок и исправлений. При внимательном рассмотрении у исследователя создается впечатление, что руководству ГУЛАГа так же трудно было осмыслить их содержание. Так, заместителю начальника ГУЛАГа М. Д. Берману была представлена сводка работы лагерных амбулаторий и больниц за 1931 г. Берман, обведя несколько цифр, оставил под таблицей пометку – вопрос, адресованный санинспектору ГУЛАГа И. Г. Гинзбургу:

«т. Гинзбург. Много это или мало? Какой %? В каком лагере больше больных? больше пропускают рабочих дней?» [4].

О том, что руководство ГУЛАГа было недовольно тем, как САНУ и УРО ведут работу по учету смертных случаев, свидетельствуют и другие документы. В одном из «Указаний начальникам лагерей...» отмечено, что требования о максимально полном учете не выполняются и необходимые сведения в ГУЛАГ не поступают. Имелось несоответствие данных, собранных отделами:

«Разница между данными Санотдела и УРО значительная: по Свирлаг”у за 12 мес. 1932 г. – 1.448 и 1.562...» [5].

В «Указании...» особо подчеркнуто отсутствие статистики несчастных случаев, приведших к смерти на производстве. Таких данных в таблицах нет. Не указаны и причины смерти, в том числе от болезней: пеллагры, тифа и прочих, наиболее распространенных в лагерях заболеваний.

Затрудняют исследования засекреченность и зашифровывание данных о смертности и болезнях, которые имели место даже во внутренней переписке ГУЛАГа. Так, в одной из директив дается такое указание:

«В целях сокращения телеграфных сводок о заразных болезнях и зашифровки числа смертных случаев, впредь писать „осталось, прибыло, выписано убыло”. Под „выписано” понимать выздоровевших, под „убыло” – умерших» [6].

Санотделом ГУЛАГа предписывалось не обозначать названия болезней в телеграфных сообщениях, а заменять их кодовыми словами:

«Сообщайте об этих [эпидемических] заболеваниях следующими условными обозначениями: брюшно-тифозные заболевания – „первые”, сыпно-тифозные – „вторые”, оспенные – „третьи” [7].

Одним словом, по мнению автора данной статьи, «Сводные таблицы...» не являются источником, заслуживающим доверия настолько, чтобы на его основе можно было дать полный и объективный анализ.

Тем не менее, даже эти скудные данные отчетливо показывают, что ситуация в Свирлаге была значительно хуже, чем в других лагерях, особенно в последние годы его существования. Для сравнения были использованы данные САНУ с 1932 по 1936 гг., которые представлены в соответствующих таблицах в относительных величинах – в процентах умерших к списочному составу заключенных. Данные за 1931 г. отсутствуют. Данные за 1937 г. в таблицах имеются, но рассматривать их нецелесообразно, так как в этом году

Свирлаг занимался производственной деятельностью всего полгода, а осенью был ликвидирован.

Сравнение смертности в % в Свирлаге и других лагерях представлено в диаграмме (рис.1).

Рис.1. Диаграмма смертности по данным санитарного отдела ГУЛАГа

Как видно из диаграммы, в 1932 и 1933 гг. смертность в Свирлаге была на уровне средней по ГУЛАГу.

1933 г. был самым тяжелым. Согласно данным «Сводных таблиц» в лагерях умер каждый шестой заключенный. В докладной записке И. В. Сталину Г. Г. Ягода приводит страшные цифры:

«За I квартал 1933 года в лагерях умерло 14 369 человек против 13 926 чел. за весь 1932 год. Из месяца в месяц растущий процент смертности в марте 1933 г. дошел до 1,49% против 0,4% в среднем за 1932 год» [8].

К 1934 г. ситуация в лагерях стала стабилизироваться. Процент умерших значительно снизился и продолжал снижаться в последующие годы. Эта

тенденция коснулась и Свирлага, но гораздо в меньшей степени, чем других лагерей. Этот факт отмечен в одном из приказов ОГПУ в декабре 1933 г.:

«Цифры потери рабочих дней и смертности не дают пока никаких улучшений по Ухтпечлагу, Свирлагу, Дальлагу...» [9].

Смертность в Свирлаге оставалась высокой. В 1934, 1935 и 1936 гг., незначительно колеблясь, ее показатели в несколько раз превышали средние по исправительно-трудовым лагерям. К 1936 г. по уровню смертности Свирский ИТЛ вышел на первое место.

Перед тем как перейти к рассмотрению факторов, влиявших на показатели смертности в Свирлаге, уместно привести цитату из книги Ивана Лукьяновича Солоневича «Россия в концлагере»:

«Свирлаг был нищим лагерем, даже по сравнению с ББК. Нормы снабжения были урезаны до последней степени возможности, до пределов клинического голодания всей лагерной массы. Запасы лагпунктовских баз были так ничтожны, что малейшие перебои в доставке продовольствия оставляли лагерное население без хлеба и вызывали зияющие производственные прорывы.» [10].

Слова Солоневича легко подтверждаются архивными документами.

Как известно, в ГУЛАГе существовала система дифференцированного довольствия, то есть, снабжение заключенных продуктами питания зависело от выполнения ими нормы. Данные о суточных нормах питания в Свирлаге пока не найдены. Но имеется другой, не менее информативный документ – таблица калоража питания заключенных (рис.2) [11]. Самая большая в ней цифра – 3080 ккал. Такой калораж должен был получить заключенный, выполнивший 125 и более процентов планового задания. Для того чтобы представить что это за величина и понять, достаточно ли лагернику-лесорубу или сплавщику такого количества энергии для восполнения затраченных сил, можно привести «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации», утвержденные главным

государственным санитарным врачом Российской Федерации Г. Г. Онищенко 18.12.2008 г. Согласно этим «Нормам...», работники лесного хозяйства и вальщики леса по уровню физической активности относятся к четвертой (высокой) и пятой (очень высокой) группам. Для мужчин от 18 до 59 лет, в зависимости от возраста, норма физиологической потребности составляет от 3400 до 4200 ккал в сутки.

		КАЛОРАЖ	
		ВСЕГО	из них хлебом и овощами
1	125-150% и выше	3080	2275
2	100-124 "	2725	2030
3	75-99 "	2268	1769
4	50-74 "	1964	1547
5	25-49 "	1485	1129
6	Штрафная	896	712

Рис. 2. Таблица калоража питания заключенных в Свирлаге в мае 1935 г.

Необходимо также учитывать, что в современной лесной промышленности применяется техника, а в 1930-е гг. инструментами лесоруба были лишь топор и ручная пила. Единственным «двигателем» этих устройств была мускульная сила человека. Поэтому энергетические затраты заключенного, выполнявшего тяжелую физическую работу, были очень высокими.

Цифры, представленные в таблице – официальные, установленные ГУЛАГом. Но в действительности даже этих калорий заключенные не получали. Этот факт отмечен в выводах комиссии в составе руководителей НКВД и Свирлага, которая инспектировала лагерь в 1935 г. По результатам проверки

была составлена «Докладная записка о состоянии Свирского лагеря по состоянию на 1-е июня 1935 г.» [12]. В ней описывается положение в лагере. Оно было ужасным по всем статьям – от бытовых условий до питания:

«Снабжение продуктами совершенно неудовлетворительно, нормы ГУЛАГ”а не выполняются. Питание з/к з/к недостаточно качественно и количественно. Проведенные анализы калоража суточного довольствия <...> показали, что питание не покрывает затраченной энергии на работах, при чем надо добавить неполноценность самих продуктов: мясо не выделялось в течении последних месяцев и даже в лазаретах и сангородках мясо не получалось в течение месяца».

В этой же «Докладной записке ...» описывается основное «меню» лагерника:

«В настоящее время отсутствует совершенно мясо и ощущается большой недостаток картофеля»; «Меню на пунктах весьма однообразно преобладает квашеная капуста и мелкая рыба-комса».

Ту же картину наблюдаем и у Солоневича:

«Кормили хлебом, прокисшей капустой и протухшей рыбой» [10].

Комиссия также отметила плохую работу продфуражной группы – одного из подразделений отдела снабжения, занимавшегося обеспечением лагеря продуктами. Работала она с перебоями, ассортимент поставляемого в лагерь продовольствия был плохо продуман: запасов одних продуктов могло быть в избытке, а других, гораздо более необходимых для стола лагерника – не хватать:

«...Отд. Снаб. располагает чаем-суррогат низкого качества на 352 дня из расчета лимита лагеря в 45000 чел. – растит. маслом на 2 дня».

Едва ли не самой большой проблемой, из-за которой и без того неполноценное лагерное питание становилось еще более скудным, было повсеместное хищение продовольствия. Масштабы этого явления отражены в бухгалтерском отчете Свирского ИТЛ за 1936 г. [13]. За этот год продуктов было украдено на сумму 352 тыс. руб., что в несколько раз превышало ущерб от

хищения фуража, вещдоловствия и т. д. Разворовывали продукты не только заключенные. Лагерное начальство, в том числе партийное, активно участвовало в этом, руководя группировками, которые занимались хищениями с продуктовых складов, лагерных ларьков и прикрепленных к лагерю совхозных огородов. Действовали схемы и цепочки, по которым продовольствие уходило из лагеря. Оно часто обменивалось у местного населения на водку. Такая схема была раскрыта в учебно-производственном комбинате 3-го отделения: продукты передавали через извозчика, который ехал в деревню с обозами. Возвращался он со спиртным.

Нередки были случаи и открытого грабежа. В 5-м лагпункте 2-го отделения шайка хулиганов буквально терроризировала население лагпункта: они забирали у поваров продукты, избивали поваров и дежурных, грабили хлебные склады. У заключенных отбирали посылки, а тех, кто пытался отстоять свое, били. Эта ситуация была описана в газете «Свирский ударник», издававшейся в лагере. Начальство же смотрело на учиняемый хулиганами беспредел сквозь пальцы.

Одним словом, даже нищий рацион, установленный нормами ГУЛАГа, на стол заключенному не попадал.

О катастрофической ситуации, сложившейся в Свирском ИТЛ, знало высшее руководство страны. Об этом говорит письмо прокурора СССР А. Я. Вышинского председателю Совета народных комиссаров В. М. Молотову от 28.05.1936 г. [14]. Критикуя изданный в конце предыдущего года циркуляр ГУЛАГа, устанавливавший для следственных заключенных новые нормы питания, которые были очень низкими и противоречили Положению об исправительно-трудовых лагерях от 07.04.1930 г., Вышинский коснулся и положения заключенных в Свирлаге:

«На практике – нормы ГУЛАГа НКВД приводят к крайнему физическому истощению заключенных и к таким явлениям, – как это имеет место, например, в Свирлаге, где числится уже до 5000 слабосильных, не способных, по своему физическому состоянию, к тяжелой работе

заклученных, и где заключенные, побуждаемые голодом, подбирают отбросы из помойных ям».

Условия жизни заключенных также были несносными. Специфика работ на лесозаготовках имеет особенность, создающую большие трудности в области бытового устройства: по мере вырубki лесосеки часто меняли месторасположение, продвигаясь вглубь лесных массивов, в глухие неосвоенные места. Необходимо было с нуля строить жилье и создавать новую инфраструктуру. Поскольку главной задачей было выполнение плана, созданию жилищных условий уделялось минимум внимания. Руководство ГУЛАГа называло лагерное строительство *«второстепенными работами»* и проявляло недовольство тем, что занятые на строительстве бараков заключенные отвлекаются от лесозаготовок.

О выборе места для постройки бараков также мало заботились. Существовала инструкция ГУЛАГа, которая указывала критерии, по которым следовало выбирать место для нового лагеря. Она не только не соблюдалась, но и отсутствовала среди документов санотдела. В результате, многие лагпункты (например, лагпункты 2-го отделения, лагпункт «Нил» 3-го отделения) оказывались построенными на сырых болотистых местах, хотя поблизости имелось сухое место, более подходящее для обустройства. В различных документах и номерах «Свирского ударника» мы находим такие описания лагерных жилищ:

«...Партчасти Управления обратить особое внимание на улучшение бытовых условий лагеря; имеющиеся в палаточных лагерях палатки изношены и не пригодны для размещения в них рабсилы в осеннее и зимнее время и требует замены» [15].

«...Новоприбывшие партии [на 3 л/п 1-го отделения] в несколько сот человек находятся в безобразных жилищных условиях. Не все помещены в палатки – многие ночуют „под кустом“, в полатках – нет нар. Кухня,

околодок, каптерка – все это необорудовано и находится под открытым небом» [16].

Свидетельства о том, в каких условиях жили люди, оставили и бывшие заключенные Свирлага.

Учитель русского языка и литературы, историк и краевед Александр Иванович Белинский так описывает «жилые» в лагерном пункте, куда его привели с этапом вместе с другими заключенными.

«Каждая постройка представляла [собой] основание палатки, 4-5 венцов из свежих бревен с неотянутым, непокрытым деревянным каркасом. Конвоиры объявили, что мы пришли, куда следовало, что это лагерь Ситики, и велели занимать места в палатках. Ни пола, ни крыши, ни печей. Внутри срубов довольно толстый слой притоптанного снега. <...> Легли на снег, не раздеваясь» [17].

Заключенных могли разместить и на неотапливаемых баржах. Такое «жилые» было организовано в 1936 г. в Свирьстрое, где был развернут погрузочный пункт для дров, отправляемых по реке. Люди жили на барже по меньшей мере до второй половины декабря.

Свирлаг очень плохо снабжался одеждой и обувью. Особенным дефицитом была так называемая «кожобувь» – часть обмундирования, совершенно необходимая особенно тем, кто работал на сплаве, так как этот вид работ был связан с нахождением в ледяной воде северных рек по несколько часов. Андрей Евгеньевич Снесарев, генерал-лейтенант, осужденный по делу «Весна» и отбывавший срок в Свирлаге в районе села Важины, писал:

«Зэк знает, что вода Свири холодна, а осенью она будет холоднее, что морозы здесь люты, ветры бывают шквальные, и он бережет обувешку (свою и казенную) как зеницу ока, как якорь спасения в суровые дни непогоды <...> он ходит в лаптях до последнего момента, пойдет – пока можно – босый, чтобы грядущие испытания встретить в кожаной обуви. Он знает, что на

работу он пойдет даже в случае, если обувь не была подана в достаточном количестве...» [18].

Тот факт, что кожаную обувь берегли до холодов, подтверждается и документами. На одном из заседаний партколлектива Свирлага, состоявшемся в августе 1932 г., прозвучало:

«Всю имеющуюся кожобувь считать целесообразным закрепить на базе Лод-Поле до наступления осеннего периода, организовав ремонт имеющейся обуви» [19].

Поскольку план по сплаву нужно было выполнить во что бы то ни стало, заключенным-сплавщикам вместо сапог выдавали... лапти.

«Распределение обуви производится не всегда соответственно условиям работы. Людям работающим на сплаве в отдельных случаях выдаются лапти, а на погрузке дров с эстокады в баржи ботинки» – фиксируется в вышеупомянутой «Докладной записке».

Проблему дефицита обуви пытались решить своими силами: изготавливали ее из старых брезентовых палаток, изношенной одежды, лоскута и другого подручного материала, в основном, отходов. Такая обувь была очень недолговечна. В результате заключенные опять оказывались разутыми.

Излишне говорить о том, что лагерное обмундирование также расхищалось и проматывалось, то есть, продавалось на сторону или обменивалось у местного населения на водку. Жителей окрестных деревень часто можно было видеть в лагерной одежде, особенно, если она была новая:

«Не прошло еще и двух дней, как большинство населения 8 л-п снарядили с ног до головы в новом обмундировании, а уж наши проворные, но подлые „Тит Титычи“ успели „подарить“ кое-кому из местных жителей часть из своего казенного добра. Пользуясь жаркой погодой, щеголяют в лагерных гимнастерках, образца 1934 года и отдельные граждане с. Важины» [20].

Лагерные проблемы сплетались в сложный клубок и создавали положение, из которого не было выхода. Полуголодный, плохо одетый и обутый заключенный не мог выполнить норму, а значит, получал уменьшенный/штрафной паек и еще больше ослабевал. На следующий день ситуация повторялась. В результате, изнемогший от голода лагерник пополнял скорбную армию «слабосильных» – так в ГУЛАГе называли категорию заключенных, которые могли выполнять только самую легкую работу. И, хотя к труду на лесозаготовках такие заключенные были совершенно непригодны, из-за недостатка рабочих рук их часто привлекали к тяжелым физическим работам в лесу. Описания таких фактов за разные годы есть как в «Свирском ударнике», так и в протоколах собраний лагерных партколлективов.

Для слабосильных организовывалось легкое производство. В Свирлаге существовал инвалидный пункт «Промкомбинат», где они изготавливали предметы ширпотреба: плели лапти, корзины, делали бочки и т. д. В документах таких заключенных цинично называли «неполноценной рабочей силой» или «отработанной рабсилой с лесозаготовок». Продукция «отработанной рабсилы» была низкого качества. Вместо прибыли их труд приносил лагерю материальный ущерб.

Необходимость содержать малопроизводительную, невыгодную рабочую силу легла на лагерь тяжким бременем. Особенно это стало ощутимо в последние годы существования Свирлага, когда по ряду обстоятельств (в данной статье они не рассматриваются) он стал убыточным, а его финансовое положение – крайне тяжелым.

К маю 1937 г., то есть, к последнему месяцу производственной деятельности Свирлага, численность заключенных слабосильной категории достигла 57,4% [21].

Корень сложившейся ситуации следует искать в системе, которая расставила приоритеты таким образом, что они были ориентированы отнюдь не на сохранение физического и морального здоровья человека, по той или

иной причине оказавшегося за колючей проволокой. Главная цель была иной: любыми усилиями выполнить план и отчитаться об этом вышестоящему руководству. Для ее достижения не жалели никаких ресурсов, в том числе живых. Один из начальников управления Свирлага Арвид Яковлевич Мартинелли вполне отчетливо выразил эту мысль на одном из партсобраний:

«Нам дано боевое ударное задание снабдить Ленинград дровами и стройматериалами <...> [снижение темпов] нужно срочно изжить, подняв выработку, усилив вывозку не считаясь ни с чем» [22].

Фраза «не считаясь ни с чем», произнесенная Мартинелли, стала принципом, который лег в основу бесчеловечного отношения к заключенным.

Источники:

1. Дислокационные сведения Свирского исправительно-трудового лагеря НКВД. По состоянию на 1 мая 1935 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 9. Л. 8-19.
2. Предварительные итоги хозяйственной деятельности исправ. труд. лагерей ОГПУ за 1932 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 179.
3. Сводные таблицы о заболеваемости, смертности и наличии заключенных по ИТЛ, УИТЛК, ОИТК с 1931 по 1940 г. (вкл.) // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740.
4. Сводка работы амбулаторных и стационарных лечучреждений исправит.-трудовых лагерей ОГПУ за 1931 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 1.
5. Указание ГУЛАГ № 640178 начальникам исправительно-трудовых лагерей об улучшении санитарными отделами учета случаев смертности среди заключенных. 19 февраля 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2741. Л. 7.
6. Директива п/п пом. нач. ГУЛАГ ОГПУ № 666714 от 4 июля 1933 г. Копия // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2741. Л. 35.

7. Директива пом. нач. ГУЛАГ ОГПУ № 545628 от 22.07.1933 г. Копия // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2741. Л. 39.
8. Докладная записка заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды И. В. Сталину об итогах хозяйственной деятельности лагерей за 1932 и первый квартал 1933 г. Не ранее 26 апреля 1933 г. // История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7 т. Т. 3. Экономика Гулага. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 95.
9. Приказ Главного управления лагерями ОГПУ № 204. 21 декабря 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 5. Л. 15а.
10. Солоневич И.Л. Россия в концлагере. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1958. С. 275.
11. Таблица калоража питания з/к з/к в Свирлаге в мае 1935 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 9. Л. 136.
12. Докладная записка о состоянии Свирского лагеря по состоянию на 1-е июня 1935 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 9. Л. 209-238.
13. Объяснительная записка к годовому отчету Свирского исправительно-трудового лагеря за 1936 год // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1^А. Д. 836. Л. 1-44.
14. Письмо прокурора СССР А. Я. Вышинского председателю Совета народных комиссаров В. М. Молотову от 28.05.1936 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 72. Л. 2, 3.
15. Резолюция по докладу т. Данилова о ходе выполнения производств. плана на 20 сентября. Приложение к протоколу № 11 заседания бюро партколлектива от 20 сентября 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-396^Л. Оп. 1. Д. 152. Л. 60.
16. Бригада «Свирского ударника». 3-й Краснознаменный сдает позиции! // Свирский ударник. 31.05.1932 г.

17. Белинский А.И. Государственный преступник // Звезда. 2000. № 11. С. 182-201.
18. Будаков В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М.: Вече, 2014. С. 462.
19. Резолюция по докладу о состоянии снабжения Свирских лагерей ОГПУ. Приложение к протоколу заседания бюро партколлектива № 10 от 13 августа 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-396^л. Оп. 1. Д. 152. Л. 53.
20. И. М. Новые гимнастерки и старые повадки // Свирский ударник. В 5-м Отделении. 07.05.1934 г.
21. Объяснительная записка к ликвидационному отчету Свирского исправительно-трудового лагеря НКВД за период с 1 января по 1 июля 1937 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 3111. Л. 30.
22. Протокол № 13 заседания бюро партколлектива Усвирлаг ОГПУ 13 ноября 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-396^л. Оп. 1. Д. 152. Л. 64 об.